

Две концепции правил*¹

Джон Ролз

Аннотация. В своей известной статье Джон Ролз излагает версию утилитаризма, которая учитывает имеющуюся критику утилитарного подхода. Автор показывает, что традиционные возражения, высказываемые в связи с двумя проверочными случаями утилитаризма — наказанием и обещанием, — основаны на неправильной трактовке утилитарной позиции, поскольку не различают обоснование практики и обоснование подпадающего под нее конкретного действия. По мнению автора, этому различению не придавалось особого значения не только среди критиков, но и среди самих утилитаристов в силу доминирования резюмирующего подхода к пониманию правил. Ролз предлагает свою, практическую концепцию правил, которая исходит из того, что правила практики предшествуют конкретным случаям их применения.

Ключевые слова: утилитаризм, наказание, обещание, правила, действие.

В данной статье я хочу показать важность различения между обоснованием практики² и обоснованием подпадающего под нее конкретного действия, а также объяснить логическое основание данного разделения и то, как можно не заметить его значимость. Несмотря на то, что это разграничение проводилось часто³ и теперь ста-

* Пер. с англ. А.М. Корбута. Источник: *Rawls J. (1955). Two concepts of rules // Philosophical Review. Vol. 64. № 1. P. 3–32.* Публикация осуществлена в рамках проекта «Полицейский порядок и ситуативная солидарность: динамика взаимодействия и трансформаций» (Программа фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году).

© Rawls J., 1955

© Корбут А. М., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Данная статья представляет собой переработанную версию доклада, прочитанного в Гарвардском философском клубе 30 апреля 1954 года.

2. Ниже я использую слово «практика» в качестве технического термина, обозначающего любую форму деятельности, характеризуемую системой правил, которые определяют должности, роли, ходы, наказания, оправдания и т. д. и которые придают этой деятельности структуру. Примерами могут быть игры и ритуалы, суды и парламенты.

3. Это различие играет центральную роль у Юма в его обсуждении справедливости в «Трактате о человеческой природе» (Юм, 1996, кн. III, ч. II, особ. гл. 2–4). Его ясно формулирует Джон Остин во второй из своих «Лекций по юриспруденции» (Austin, 1873, I: 116ff.). Можно также доказать, что Дж. С. Милль в «Утилитаризме» считал его само собой разумеющимся (относительно этого момента см.: Urnson, 1953). К аргументам, приводимым Урмсоном, можно добавить несколько явных формулировок этого различения в «Системе логики» (Mill, 1872: bk. VI, ch. xii, pars. 2, 3, 7). Это различие является основополагающим в важной статье Дж. Д. Мэббота «Наказание» (Mabbott, 1939). Недавно данное различие было специально акцентировано С. Э. Тулмином в книге «Место разума в этике» (Toulmin, 1950, see esp. ch. XI), где оно играет центральную роль в его описании моральных рассужде-

ло общим местом, все еще нужно объяснить тенденцию целиком его игнорировать либо недооценивать его важность.

Чтобы показать важность данного различия, я постараюсь защитить утилитаризм от тех возражений, которые традиционно выдвигались против него в связи с наказанием и обязанностью выполнять обещания. Я надеюсь показать, что использование указанного различия позволяет сформулировать утилитаризм таким образом, что он гораздо лучше эксплицирует наши взвешенные моральные суждения, нежели допускают традиционные возражения⁴. Таким образом, важность данного различия демонстрируется исходя из того, что оно усиливает утилитаристскую точку зрения, вне зависимости от возможности ее полностью отстоять.

Чтобы объяснить то, как можно упустить важность данного различия, я обсужу две концепции правил. Одна из этих концепций замалчивает важность разделения между обоснованием правила или практики и обоснованием подпадающего под нее конкретного действия. Другая концепция проясняет, почему это различие стоит проводить и каково его логическое основание.

I

Наказание, в смысле соотнесения юридических санкций с нарушением юридических норм, всегда было проблемным моральным вопросом⁵. Его проблемность заключалась не в том, что люди не соглашались между собой относительно обоснованности наказания. Большинство людей считало, что если избавиться от некоторых злоупотреблений, оно является приемлемым институтом. Лишь немногие целиком отвергали его, что довольно странно, учитывая всё, что может быть сказано против наказания. Трудность заключается в обосновании наказания: моральные философы предложили множество аргументов в его пользу, но пока ни один из них не получил всеобщего признания — у всякого обоснования находятся противники. Я надеюсь показать, что использование упомянутого выше различия позволяет сформулировать утилитаристскую точку зрения, которая принимала бы в расчет убедительные доводы ее критиков.

Для своих целей мы можем выделить два способа обоснования наказания. Точка зрения, которую мы можем назвать ретрибутивной, предполагает, что наказание обосновывается необходимостью наказания за преступление. Морально оправданно, что человек, совершивший преступление, должен страдать пропорционально своему

ний. Тулмин не объясняет (как это пытаюсь сделать я в данной работе) основание данного различия и то, как можно упустить его важность. В своей рецензии на его книгу (Rawls, 1951b) я, как заметили некоторые мои критики, не смог оценить его силу. См. также: Aiken, 1952; Quinton, 1954, и Nowell-Smith, 1954: 236–239, 271–273.

4. О понятии экспликации см. работу автора: Rawls, 1951a.

5. Когда эта работа уже находилась на рецензировании, появилась статья Квинтона (Quinton, 1954). Его замечания в нескольких отношениях схожи с моими, однако поскольку я рассматриваю некоторые дополнительные вопросы и опираюсь на несколько иные аргументы, я сохранил одновременное обсуждение наказания и обещаний как двух проверочных для утилитаризма случаев.

преступлению. Необходимость наказания преступника следует из его виновности, а тяжесть соответствующего наказания зависит от гнусности его деяния. Положение дел, при котором преступник несет наказание, морально предпочтительнее положения дел, при котором он его не несет, независимо от последствий, к которым может привести его наказание.

Точка зрения, которую мы можем назвать утилитарной, гласит, что в силу принципа «что было, то прошло» и в силу того, что материалом для решений, принимаемых в настоящем, являются только будущие последствия, наказание можно обосновать, лишь указав на возможные последствия сохранения его в качестве одного из механизмов поддержания социального порядка. Преступления, совершенные в прошлом, как таковые несущественны для принятия решения о том, что делать. Если можно показать, что наказание позволяет эффективно соблюсти интересы общества, тогда оно обоснованно, в противном случае — нет.

Я очень грубо очертил две конкурирующие точки зрения, чтобы дать почувствовать конфликт между ними: оба аргумента кажутся сильными, и не понятно, почему их нельзя примирить. Из моих вводных замечаний с очевидностью следует, что решение, которое я собираюсь предложить, заключается в том, что в данном случае необходимо различать обоснование практики как системы применяемых и навязываемых правил и обоснование конкретного действия, подпадающего под эти правила; утилитарные аргументы допустимы в отношении вопросов, связанных с практиками, тогда как ретрибутивные аргументы уместны в случае применения конкретных правил к конкретным случаям.

Мы могли бы прояснить это различие, представив, каким образом отец мог бы ответить на вопрос своего сына. Предположим, сын спрашивает: «Почему Д вчера отправили в тюрьму?» Отец отвечает: «Потому что он ограбил банк в Б. Его должным образом судили и признали виновным. Вот почему вчера его отправили в тюрьму». Но предположим, что сын задал иной вопрос, а именно: «Почему одни люди отправляют других людей в тюрьму?» Тогда отец мог бы ответить: «Чтобы защитить хороших людей от плохих» или «Чтобы помешать людям делать то, что неудобно для всех нас, поскольку в противном случае мы не могли бы спокойно спать по ночам». Это два совершенно разных вопроса. В одном акцент делается на имени собственном: спрашивается, почему был наказан Д, а не кто-то другой, или за что он был наказан. В другом вопросе спрашивается, почему у нас есть институт наказания: почему люди наказывают, а не, скажем, всегда прощают друг друга?

Таким образом, отец, по сути, говорит, что наказывают конкретного человека, а не кого-то другого, поскольку он виновен, а он виновен, поскольку он нарушил закон (прошедшее время). В его случае закон обращается к прошлому, судья обращается к прошлому, присяжные обращаются к прошлому и его настигает кара за то, что он сотворил. Необходимость наказания человека и то, в чем его наказание должно состоять, устанавливаются путем демонстрации того, что он нарушил закон и что закон предписывает определенное наказание за его (закона) нарушение.

С другой стороны, у нас есть институт наказания как таковой, и мы рекомендуем и принимаем различные изменения в нем, поскольку (идеальный) законодатель и те, к кому применяется закон, полагают, что, по мере того как часть системы права беспристрастно применяется к каждому возникающему случаю, это ведет в долгосрочной перспективе к последствиям, соответствующим интересам общества.

Тогда можно сказать, что судья и законодатель находятся в разном положении и смотрят в разных направлениях: один — в прошлое, другой — в будущее. Обоснование действий судьи в качестве судьи схоже с ретрибутивной точкой зрения, обоснование действий (идеального) законодателя в качестве законодателя схоже с утилитарной точкой зрения. Поэтому обе эти точки зрения правильны (как и должно быть, поскольку и ту и другую отстаивали умные и чуткие люди), и первоначальное замешательство рассеивается, когда возникает понимание, что эти точки зрения применяются к людям, занимающим разные должности с разными обязанностями и по-разному связанным с системой правил, образующих уголовное право⁶.

Можно было бы сказать, однако, что утилитарная точка зрения более фундаментальна, поскольку она применяется к более фундаментальной должности, так как судья исполняет волю законодателя в той мере, в какой он способен определить ее. Как только законодатель решает, что должны существовать законы, и предписывает санкции за их нарушение (дела обстоят так, что должны существовать и закон, и наказание), возникает институт, который предполагает ретрибутивную концепцию конкретных случаев. Частью понятия уголовного права как системы правил является то, что применение и навязывание этих правил в конкретных случаях должно обосновываться посредством аргументов ретрибутивного характера. Решение об использовании закона, а не какого-либо иного механизма социального контроля, и решение о том, каковы должны быть законы и какие наказания следует назначать, могут приниматься исходя из утилитарных аргументов, но если принимается решение о том, что законы должны быть, то тем самым принимается и решение о чем-то, осуществление чего в конкретных случаях носит ретрибутивную форму⁷.

Следовательно, ответ на недоумение, вызванное двумя представлениями о наказании, достаточно прост: следует разделять две должности — должность судьи и должность законодателя, а также их положение по отношению к системе правил, составляющих право, и тогда конкурирующие обоснования наказания можно соотнести с различными типами соображений, которые обычно выдвигаются в качестве резонов действия в рамках этих должностей. Две точки зрения примиряются с помощью проверенного временем инструмента: их применяют к разным ситуациям.

Но может ли всё быть так просто? Приведенный ответ предусматривает наличие очевидного намерения у каждой из сторон. Обязательно ли человек, отстаивающий ретрибутивную точку зрения, защищает в качестве института правовой механизм,

6. Обратите внимание на то, что различные виды аргументов подходят для различных должностей. Один из способов оценки различий между этическими теориями заключается в рассмотрении их как описаний резонов, ожидаемых от различных должностей.

7. В этой связи см.: Mabbott, 1939: 163–164.

главная цель которого — утверждать и оберегать соответствие между моральным падением и страданием? Разумеется, нет⁸. Ретрибутивисты правильно подчеркивали, что никто не может быть наказан, пока он не признан виновным, т. е. пока он не нарушил закон. Их фундаментальная критика утилитарного подхода заключается в том, что он, согласно их трактовке, санкционирует наказание (если это можно так назвать) невиновного человека во благо общества.

С другой стороны, утилитаристы соглашались, что наказание должно налагаться только в случае нарушения закона. Они полагают, что это понятно из самой концепции наказания⁹. Основной тезис утилитарного подхода касается института как системы правил: утилитаризм ограничивает его использование, объявляя его обоснованным, только если можно показать, что он эффективно содействует благу общества. В историческом плане это протест против беспорядочного и неэффективного использования уголовного права¹⁰. Он предупреждает нас о недопустимости возложения на пенитенциарные институты неподобающей, если не сказать кощунственной, задачи приведения страдания в соответствие с моральным падением. Как и все прочие, утилитаристы хотят, чтобы, насколько это в человеческих силах, с пенитенциарными институтами сталкивались только те, кто нарушает закон. Они полагают, что никакой чиновник не должен обладать произвольной властью карать тогда, когда он считает это необходимым для блага общества, поскольку, согласно утилитарным представлениям, институт, наделяющий такой властью, было бы невозможно обосновать¹¹.

Предложенный способ примирения ретрибутивного и утилитарного обоснований наказания объясняет то, что хотят сказать обе стороны. Однако возникают два дополнительных вопроса, которым я посвящу остаток этого раздела.

8. Об этом см.: Ross, 1930: 57–60.

9. См. Гоббсово определение наказания в «Левиафане» (гл. 28) и Бентамово определение в «Основаниях нравственности и законодательства» (гл. XII, абз. 36, гл. XV, абз. 28) и в «Обосновании наказания» (Bentham, 1830, bk. I, ch. I). Они согласились бы с Брэдди в том, что «наказание является наказанием, только когда оно заслужено. Человек расплачивается, потому что у него есть долг, и только поэтому; и если для наказания находится иная причина, чем заслуженность в силу дурного действия, — то здесь мы сталкиваемся с грубым нарушением морали, вопиющей несправедливостью, гнусным преступлением, а не тем, чем претендует быть наказание» (Брэдди, 2010: 50). Разумеется, это, по определению, не то, чем претендует быть наказание. Невиновного можно наказать только по ошибке; намеренное «наказание» невиновного неизбежно предполагает обман.

10. См.: Radzinowicz, 1948, esp. ch. xi on Bentham.

11. Бентам говорит, что пунитивному предумышленному уголовному праву соответствует другое предумышленное, которое антагонистично первому и которое, как и пунитивное, нуждается в собственном имени. Он ожидаемо называет его *анетиозостическим* и говорит о нем: «Целью первого является наказание вины, целью последнего — охрана невинности». В этой же связи он утверждает, что никто никогда не считал подобающим предоставлять судье право решать, следует ли повесить вора (т. е. человека, которого он считает вором, поскольку вопрос всегда должен сводиться к убеждению судьи), и потому закон предусматривает: «Судья не должен отправлять вора на виселицу, пока тот не будет должным образом обвинен и приговорен в соответствии с законом» (Bentham, 1945: 238–239).

Во-первых, не сделает ли разница мнений относительно правильного критерия справедливого правосудия недопустимым примирение для ретрибутивистов? Не будут ли они ставить под сомнение то, что, если использовать в качестве критерия утилитарный принцип, нарушившие закон будут признаваться виновными таким способом, который соответствует их требованию, чтобы понесшие наказание заслужили его? Чтобы разрешить эту трудность, предположим, что нормы уголовного права обосновываются утилитаристски (это касается только законов, соответствующих критерию, ответственность за который может быть возложена на утилитариста). Тогда следует, что действия, которые в уголовном праве считаются правонарушениями, таковы, что если их стерпеть, общество будет охвачено ужасом и паникой. Следовательно, ретрибутивисты могут отрицать, что понесшие наказание заслуживают его, только если они отрицают, что подобного рода действия дурны. А этого они делать не захотят.

Второй вопрос заключается в том, не слишком ли многое обосновывается утилитаризмом. Его изображают в качестве своеобразной машины обоснования, которая, если ее надлежащим образом настроить, могла бы использоваться для обоснования бесчеловечных и произвольных институтов. Ретрибутивисты, вероятно, признали бы, что утилитаристы намерены реформировать право и сделать его более гуманным, что утилитаристы не хотят оправдывать такую вещь, как наказание невиновного, и что утилитаристы могут апеллировать к тому, что наказание предполагает вину, в том смысле что под наказанием понимается институт, соотносящий санкции с несоблюдением юридических правил, и что, следовательно, логически абсурдно предполагать, что, оправдывая наказание, утилитаристы также оправдывают наказание (если мы можем это так назвать) невиновного. Подлинный вопрос, однако, состоит в том, не использует ли утилитарист, оправдывая наказание, аргументы, которые заставляют его допускать причинение страдания невинным людям, в случае если это хорошо для общества (независимо от того, называется это наказанием или нет). В более общем смысле не допускает ли утилитарист в принципе многие практики, которые он как нравственно чуткий человек посчитал бы недопустимыми? Ретрибутивисты склонны полагать, что не существует никакого иного способа помешать утилитарному принципу обосновывать слишком многое, кроме как добавив к нему принцип, который закрепляет за индивидами определенные права. Тогда исправленным критерием становится не максимальная польза для общества *simpliciter*, но *максимальная польза для общества с тем ограничением, что ничьи права не могут быть ущемлены*. Хотя мне кажется, что классические утилитаристы предложили как раз такой, более сложный критерий, я не хочу здесь углубляться в рассмотрение данного вопроса¹². Я хочу лишь показать, что существует иной способ помешать утилитарному принципу обосновывать слишком многое или, по крайней мере, сделать это менее вероятным, а именно такая формулировка утилитаризма, которая объясняет разницу между обоснованием института и обоснованием подпадающего под него конкретного действия.

12. Под классическими утилитаристами я имею в виду Гоббса, Юма, Бентама, Дж. С. Милля и Сиджвика.

Я начну со следующего определения института наказания: о человеке говорят, что он несет наказание, когда он легально лишается некоторых нормальных прав гражданина на основании того, что он нарушил правовую норму и это нарушение было установлено судом в соответствии с надлежащей юридической процедурой, при условии, что лишение осуществляется признанными легальными органами государства, что правовая норма содержит ясные указания относительно проступка и связанного с ним наказания, что суды точно трактуют нормы права и что данная норма права существовала до совершения проступка¹³. Это определение уточняет, что именно я буду иметь в виду, говоря о наказании. Вопрос состоит в том, можно ли найти утилитарные аргументы, обосновывающие институты, которые значительно отличаются от описанного и могут быть признаны бесчеловечными и произвольными.

На этот вопрос лучше отвечать, как мне кажется, отталкиваясь от конкретного обвинения. Рассмотрим следующее высказывание Каррита:

«...утилитарист должен придерживаться мнения, что мы имеем право причинять боль всегда, только для того, чтобы предотвратить еще большую боль или способствовать большему счастью. Тогда это всё, что нам необходимо знать о так называемом наказании, которое должно быть чисто превентивным. Но если какая-либо разновидность крайне жестокого преступления получает распространение и ни один преступник не пойман, может оказаться чрезвычайно полезным, например, повесить невинного человека, если обвинения против него можно подстроить таким образом, чтобы все поверили в его виновность. Конечно, это не мог бы быть идеальный случай утилитарного „наказания“, поскольку жертва, в отличие от настоящего преступника, вряд ли бы совершила такого рода преступление в будущем; во всех прочих отношениях это было бы прекрасное средство сдерживания и тем самым содействия счастью» (Carritt, 1947: 65).

Каррит пытается показать, что существуют случаи, когда утилитарный аргумент будет обосновывать осуществление действия, которое в целом осуждается, и что поэтому утилитаризм обосновывает слишком многое. Но ошибка аргумента Каррита состоит в том, что он не различает обоснование общей системы правил, конституирующей пенитенциарные институты, и обоснование конкретных применений этих правил к конкретным случаям различными чиновниками, чья работа заключается в их отправлении. Это становится совершенно ясно, если спрашиваешь себя, о каких «мы» говорит Каррит. Кто обладает абсолютной властью решать в конкретных случаях, что невинный человек должен быть «наказан», если всех можно убедить в его виновности? Законодатель, судья, группа частных лиц или кто-то еще? Знать, кто должен принимать такие решения и на основании каких полномочий, крайне важно, поскольку всё это должно быть прописано в правилах института. До тех пор пока это не будет известно, не будет известно и обоснование какого института ставится под вопрос, и поскольку утилитарный принцип применяется к институту, не будет известно, можно ли его обосновать на утилитарных основаниях.

13. Все эти свойства наказания упоминаются Гоббсом; см.: «Левиафан», гл. 28.

Если это понять, то станет ясно, каков контрход против аргумента Каррита. Необходимо более тщательно описать, что представляет собой тот институт, который предлагается в его примере, и затем спросить себя, будет или нет наличие этого института содействовать благу общества в долгосрочной перспективе. Нельзя довольствоваться расплывчатой мыслью о том, что, если говорить об этом случае, было бы хорошо, если бы кто-то сделал что-то, даже если пострадает невинный человек.

Попробуем тогда представить себе институт (мы можем назвать его «телевание» [telishment]), который предполагает, что назначенные им чиновники обладают властью организовывать судебный процесс с целью осуждения невинного человека, если они полагают, что это в лучших интересах общества. Свобода действий чиновников, однако, ограничена правилом, гласящим, что они не могут осудить невинного человека на такого рода мучения, если в это время не наблюдается волна преступлений, схожих с тем, в котором они его собираются обвинить и за которое они его собираются телевать. Мы можем представить, что чиновники, обладающие такими дискреционными полномочиями, — это судьи высших судов, действующие по согласованию с главой полиции, министром юстиции и комиссией законодателей.

Осознание того, что при этом учреждается институт, позволяет понять, сколь велики опасности. Например, как контролировать чиновников? Кто вправе говорить, обладают ли они полномочиями совершать свои действия? Как снизить риски, связанные с разрешением на подобный систематический обман? Как избежать предоставления властям почти полного права телевать любого, кого они захотят? Помимо этих противоречий очевидно также, что люди будут совершенно иначе относиться к своей пенитенциарной системе, когда она будет сопряжена с телеванием. Они не будут уверены, был осужденный человек наказан или телеван. Они будут сомневаться, стоит ли сочувствовать ему. Они будут задаваться вопросом о том, не может ли их постигнуть в любое время та же участь. Если вообразить себе реальную работу такого института и связанные с ней огромные риски, то станет ясно, что он был бы совершенно бесполезен. Утилитарное обоснование этого института маловероятно.

В целом получается, что отказ от определяющих черт наказания ведет к институту, утилитарное обоснование которого глубоко проблематично. Одна из причин состоит в том, что наказание функционирует подобно системе цен: меняя цены, которые необходимо платить за осуществление действий, она предлагает мотив для избегания одних действий и совершения других. Определяющие черты нужны, чтобы наказание функционировало подобным образом, поэтому институт, лишенный этих черт, например, институт, который может «наказывать» невиновных, скорее всего, будет не более осмысленным, нежели система цен (если мы можем ее так назвать), в которой цены на вещи меняются случайным образом каждый день и цена на что-либо сообщается лишь после согласия купить это¹⁴.

14. Аналогия с системой цен подсказывает ответ на вопрос о том, как утилитарные соображения обеспечивают пропорциональность наказания проступку. Интересно, что сэр Дэвид Росс, после проведения различия между обоснованием уголовного права и обоснованием его конкретного применения и после утверждения о том, что утилитарные соображения в значительной степени детермини-

Если осторожно применять утилитарный принцип к институту, который должен санкционировать определенные действия, тогда опасность обоснования слишком много становится меньше. Пример Каррита правдоподобен в силу своей неопределенности и концентрации на одном конкретном случае. Его аргумент будет состоятелен, только если можно показать, что существуют утилитарные аргументы, которые обосновывают институт, чьи публично удостоверяемые должности и полномочия таковы, что они позволяют чиновникам осуществлять подобное право в конкретных случаях. Но требование встраивания произвольных черт конкретного решения в институциональную практику делает принятие такого обоснования гораздо менее вероятным.

II

Теперь я рассмотрю вопрос обещаний. Возражение против утилитаризма в связи с обещаниями таково: считается, что, согласно утилитарной точке зрения, когда человек дает обещание, единственное основание, на котором он должен держать его, если он вообще должен его держать, состоит в том, что, сдержав его, он достигнет в целом наибольшего блага. Поэтому если кто-то спросит: «Почему я должен держать свое обещание?», утилитарный ответ, как полагают, будет состоять в том, что в данном случае это будет вести к наилучшим последствиям. И об этом ответе вполне справедливо говорят, что он противоречит тому, как понимается обязательство держать обещания.

Конечно же, критики утилитаризма осознают, что один из аргументов, иногда приписываемых утилитаристам, — это соображение, связанное с практикой выполнения обещания¹⁵. В этой связи они, предположительно, утверждают нечто вроде следующего: следует признать, что мы чувствуем строгую необходимость выполнять обещания, гораздо более строгую, чем на первый взгляд способны объяснить наши

ругают последнее, все еще воздерживается от признания утилитарного обоснования наказания под тем предлогом, что справедливость требует, чтобы наказание было пропорциональным проступку, и что утилитаризм неспособен это обеспечить (см.: Ross, 1930: 61–62). Я не утверждаю, что утилитаризм может обеспечить это требование так, как того хотелось бы сэру Дэвиду, но тем не менее получается, что, если следовать утилитарным соображениям, наказания будут пропорциональны проступкам в следующем смысле: с градацией проступков по степени тяжести можно сопоставить градацию наказаний по степени суровости. Кроме того, абсолютный уровень наказаний будет максимально низким. Это следует из допущения о том, что люди рациональны (т. е. что они способны учитывать «цену», которое государство налагает на действия), из утилитарного правила, гласящего, что пенитенциарная система должна предоставлять мотив для предпочтения менее тяжкого проступка, и из принципа, гласящего, что наказание как таковое есть зло. Все это было подробно прописано Бентамом в «Основаниях нравственности и законодательства» (гл. 13–15).

15. Ross, 1930: 37–39, и Ross, 1939: 92–94. Мне неизвестен ни один утилитарист, который бы использовал этот аргумент, за исключением В. Э. Пикарда-Кэмбриджа (Pickard-Cambridge, 1932: 153–157), хотя данный аргумент соответствует версии утилитаризма, предложенной Дж. Э. Муром в «Принципах этики» (Мур, 1984). Насколько мне известно, его нет у классических утилитаристов, и это не случайно, если правильно трактовать их взгляды.

представления. Но при тщательном рассмотрении вопроса всегда нужно учитывать влияние, которое будет иметь наше действие на практику обещания. Обещающий должен взвешивать не только влияние нарушения своего обещания на конкретный случай, но и влияние нарушения своего обещания на саму практику. Поскольку практика имеет огромную утилитарную ценность и поскольку нарушение обещания всегда наносит ей серьезный урон, нарушение своего обещания редко бывает обоснованным. Если мы рассмотрим свои индивидуальные обещания в более широком контексте практики обещания, мы сможем объяснить строгость обязательства держать обещания. Всегда есть очень сильное утилитарное соображение в пользу их выполнения, и оно гарантирует, что в случае возникновения вопроса, стоит или нет держать обещание, всегда будет оказываться, что стоит, даже если фактические обстоятельства конкретного случая, взятого самого по себе, оправдывают нарушение этого обязательства. Это объясняет строгость, с которой мы относимся к обязательству держать обещания.

Росс критиковал этот аргумент следующим образом (Ross, 1930: 38–39): сколь бы велика ни была ценность практики обещания, согласно утилитаризму, должно существовать нечто еще более ценное, и вполне можно представить, что для его обретения необходимо нарушить обещание. Следовательно, возможен такой случай, когда обещающий мог бы заявить, что нарушение его обещания обосновывается тем, что это ведет к лучшему положению дел в целом. И обещающий мог бы заявить об этом вне зависимости от того, сколь бы малым ни является преимущество, полученное в результате нарушения правила. Если бы кто-то подверг обещающего критике, тот сказал бы в свою защиту, что он поступил в целом наилучшим образом с учетом всех утилитарных соображений, которые в данном случае включают важность практики. Россу кажется, что такое оправдание было бы неприемлемым. Я полагаю, что он прав в той мере, в какой протестует против апелляции к последствиям в целом без дальнейшего объяснения. Однако оценить силу аргумента Росса крайне сложно. Вымышленный пример выглядит нереалистичным и требующим описания. Можно решить, что либо данный случай был исключением, определяемым самой практикой, и тогда в конкретном случае апеллировать к последствиям в целом было нельзя, либо обстоятельства были столь специфичны, что условия, предполагаемые практикой, были больше недостижимы. Но Росс определенно прав, полагая, что мы считаем ошибкой, когда человек защищает нарушение обещания с помощью общей апелляции к последствиям. Общеутилитарное оправдание недоступно обещающему: это не одно из тех оправданий, которые допускаются практикой обещания.

Росс выдвигает еще два контраргумента (Ross, 1930: 39)¹⁶. Во-первых, он полагает, что ущерб, наносимый практике обещания неспособностью держать обещание, переоценивается. Нарушающий обещание определенно вредит своему имени, но неочевидно, что нарушенное обещание всегда наносит самой практике достаточно сильный

16. Случай непубличного обещания обсуждается снова в «Основаниях этики» (Ross, 1939: 95–96, 104–105). Он также появляется в: Mabbott, 1939: 155–157, и в: Melden, 1951: 519–523, где обсуждается пример Каррита из «Этического и политического мышления» (Carritt, 1947: 64).

вред, чтобы это служило объяснением строгости обязательства. Во-вторых — что, по-моему, важнее, — он поднимает вопрос о том, что можно сказать насчет обещания, которое известно только обещающему и тому, кому оно дано, как в случае обещания относительно распоряжения имуществом, которое сын дает умирающему отцу¹⁷. В данном случае соображение, связанное с практикой, не имеет никакого значения для обещающего, однако же это обещание кажется столь же обязательным, как и прочие. Вопрос о влиянии его нарушения на практику нерелевантен. Единственное последствие заключается в том, что можно нарушить обещание безо всякого риска порицания, но само обязательство от этого ничуть не слабеет. Следовательно, вряд ли последствия для практики имеют какое-либо значение в том или ином конкретном случае; они, очевидно, не могут объяснить строгость обязательства там, где их нет. Отсюда вытекает, что утилитарное объяснение обязанности выполнять обещания не может иметь успеха.

Из сказанного мной в связи с наказанием можно заключить, что именно я собираюсь сказать об этих аргументах и контраргументах. В них не проводится различие между обоснованием практики и обоснованием подпадающего под него конкретного действия, и поэтому в них ошибочно принимается как данность, что обещающий, подобно чиновнику Каррита, уполномочен совершенно свободно пользоваться утилитарными соображениями, решая, стоит ему выполнять свое обещание или нет. Но если рассмотреть практику обещания, то, думаю, станет понятно, что она не наделяет обещающего такими общими правами. Суть этой практики состоит в отречении от своего права действовать в соответствии с утилитарными и пруденциальными соображениями, что позволяет закреплять будущее и заранее координировать планы. Существование практики, запрещающей обещающему апеллировать, в целях оправдания, к общеутилитарному принципу, в соответствии с которым эта практика может быть обоснована, имеет очевидные утилитарные преимущества. В этом нет ничего противоречивого или неожиданного: можно привести хорошие утилитарные (или эстетические) доводы в пользу того, что игры в шахматы или бейсбол достаточно такой, какая она есть, или в пользу того, что ее следует определенным образом изменить, но игрок, участвующий в игре, не может надлежащим образом апеллировать к таким соображениям как доводам в поддержку того, что он делает один ход и не делает другой. Было бы ошибкой думать, что если практика оправдывается на утилитарных основаниях, то обещающий должен обладать полной свободой в использовании утилитарных аргументов при принятии решения, стоит ли выполнять обещание. Практика запрещает такое общее оправдание, и именно в этом состоит ее предназначение. Следовательно, допущение, лежащее в основе вышеизложенных аргумен-

17. В примере Росса описываются просто двое умирающих в одиночестве, один из которых дает обещание другому. Пример Каррита (см. прим. 16 выше) — это пример двух людей на Северном полюсе. Пример, приведенный в тексте, более реалистичен и похож на пример Мэббота. Другой пример — ситуация, когда кто-то сообщает вам нечто конфиденциальное и впоследствии умирает. Подобного рода случаи не обязательно должны быть «аргументами необитаемого острова», как, видимо, полагает Ноуэлл-Смит (см.: Nowell-Smith, 1954: 239–244).

тов, — идея о том, что если принимается утилитарная точка зрения, то обещающий связывается обязательством, если и только если применение утилитарного принципа к его собственному случаю показывает, что выполнение обещания приносит в целом наилучший результат, — ложно. Обещающий связан обязательством потому, что он обещал: оценка преимуществ своего случая ему недоступна¹⁸.

Значит ли это, что в конкретных случаях нельзя размышлять о том, стоит ли выполнять свое обещание? Разумеется, нет. Но размышлять об этом — значит, размышлять о том, применимы ли различные извинения, исключения и оправдания, которые понятны в рамках практики и составляют ее важную часть, к своему случаю¹⁹. Допустимы различные оправдания невыполнения своего обещания, но среди них нет оправдания, состоящего в том, что, исходя из утилитарных оснований, обещающий (действительно) считает свое действие в целом наилучшим, хотя оправдание может состоять в том, что последствия выполнения своего обещания были бы чрезмерно суровыми. Хотя здесь слишком много сложностей, чтобы рассматривать все необходимые детали, недопустимость общего оправдания становится понятной, если задать вопросом: что сказали бы о человеке, который на вопрос, почему он нарушил обещание, ответил бы, что его нарушение было в целом наилучшим решением? Если предположить, что его ответ искренен и что его убеждение разумно (т. е. не нужно рассматривать возможность того, что его ввели в заблуждение), я думаю, встал бы вопрос о том, знает ли данный человек, что значит говорить «Я обещаю» (в подходящих обстоятельствах). О том, кто прибегает к такому извинению без дальнейшего объяснения, сказали бы, что он не понимает, какие оправдания позволяет ему делать практика, которая определяет обещание. Если бы такое извинение использовал ребенок, его бы поправили, поскольку один из способов обучения понятию обещания заключается в корректировании того, кто использует подобное извинение. Если бы практика допускала такое извинение, в ней не было бы смысла.

Несомненно, утилитарная точка зрения включает идею, что любая практика должна признавать оправдание, состоящее в том, что последствия ее исполнения могут быть чрезмерно суровыми. Утилитаристы склоняются к тому, что необходима определенная степень доверия здравому смыслу и некоторая уступка в тяжелых случаях. Они сказали бы, что практика обосновывается тем, что она служит интересам участвующих в ней людей, и, как и в случае любого набора правил, существует понятный фон обстоятельств, при которых ожидается ее применение и которые не нужно — на самом деле, нельзя — полностью проговаривать. Если эти обстоятельства меняются, то, даже если не существует правила, относящегося к случаю, практика все еще предусматривает возможность освобождения от своего обещания. Но такое оправдание, допускаемое практикой, не следует путать с общей возможностью взвешивания каждого конкретного случая на утилитарных основаниях, которую, по мнению критиков, утилитаризм с необходимостью предполагает.

18. Сказанное мной в этом абзаце, как мне кажется, совпадает с важными идеями, обсуждаемыми Юмом в «Трактате о человеческой природе» (кн. III, ч. II, гл. 5, а также гл. 6, абз. 8).

19. Обсуждение этого см. в: Sidgwick, 1901, bk. III, ch. vi.

Утилитарное обоснование наказания вызывает беспокойство относительно того, что оно может обосновывать слишком многое. В связи с обещаниями вопрос стоит иначе: каким образом утилитаризм способен объяснить обязанность вообще выполнять обещания? Кажется, что общепризнанная обязанность держать свое обещание и утилитаризм несовместимы. И они действительно несовместимы, если считать, что утилитарная точка зрения с необходимостью предполагает, что каждый человек полностью свободен взвешивать каждое конкретное действие на общеутилитарных основаниях. Но нужно ли интерпретировать утилитаризм подобным образом? Надеюсь, я сумел показать, что в тех случаях, которые я обсудил, такая интерпретация невозможна.

III

Выше я попытался показать важность различия между обоснованием практики и обоснованием подпадающего под нее конкретного действия, указав, каким образом данное различие могло бы использоваться для защиты утилитаризма от двух давних возражений. В этом месте могло бы возникнуть желание закрыть дискуссию, сказав, что утилитарные соображения следует понимать как применимые к практикам вообще, а не к конкретным действиям, подпадающим под них, за исключением тех случаев, когда практики позволяют это. Можно было бы сказать, что в такой модифицированной форме это лучшее объяснение наших взвешенных моральных суждений, и тем удовлетвориться. Но остановиться здесь — значило бы проигнорировать интересный вопрос о том, каким образом можно не заметить важность столь достаточно очевидного различия и принять как данность, что из утилитаризма вытекает возможность всегда принимать решение относительно конкретных случаев на общеутилитарных основаниях²⁰. Я хочу показать, что эта ошибка может быть связана с неправильным пониманием логического статуса правил практик, и для этого я собираюсь рассмотреть две концепции правил, два способа их включения в утилитарную теорию.

20. Насколько я могу судить, до Мура данная доктрина никем открыто не высказывалась. См., например, «Принципы этики», где говорится, что утверждение «я морально обязан совершить этот поступок» означает то же самое, что утверждение «*этот* поступок обеспечивает наибольшую возможную сумму добра в универсуме» (Мур, 1984: 232; курсив мой). Важно помнить, что те, кого я назвал классическими утилитаристами, интересовались в основном социальными институтами. Они были одними из главных экономистов и политических теоретиков своего времени и не так уж редко — реформаторами, заинтересованными в практических делах. Исторически утилитаризм возникает одновременно с последовательным представлением об обществе, а не как простая этическая теория и уж тем более — не как попытка философского анализа в современном смысле слова. Утилитарный принцип вполне естественно воспринимался и использовался как критерий оценки социальных институтов (практик) и основание для реформирования. Поэтому не очень понятно, насколько необходимо улучшать утилитаризм в его классической форме. Обсуждение утилитаризма как составной части теории общества см. в: Robbins, 1952.

Концепцию, которая скрывает от нас значимость указанного различия, я буду называть резюмирующей точкой зрения. В ней правила рассматриваются следующим образом: предполагается, что каждый человек решает, что он будет делать в конкретных случаях, применяя утилитарный принцип; предполагается далее, что различные люди будут принимать одинаковые решения в одинаковых конкретных случаях и что случаи, схожие с теми, в которых ранее принимались решения, будут повторяться. Таким образом, в однотипных случаях будет приниматься одно и то же решение — либо одним человеком в разное время, либо разными людьми в одно и то же время. Считается, что если случай повторяется достаточно часто, для данного типа случая формулируется правило. Я назвал эту концепцию резюмирующей точкой зрения, поскольку правила изображаются в качестве резюме прошлых решений, полученных путем прямого применения утилитарного принципа к конкретным случаям. Правила воспринимаются в качестве отчетов о том, что определенного рода случаи были обнаружены на иных основаниях, не позволяющих принять правильное решение (хотя, конечно же, они не говорят об этом).

Есть несколько вещей, которые можно отметить относительно такого способа включения правил в утилитарную теорию²¹:

21. Данную сноску следует читать после раздела 3, поскольку она предполагает то, что я сказал в нем. В ней приводятся некоторые высказывания ведущих утилитаристов относительно резюмирующей концепции. В целом можно сказать, что при обсуждении ими логических свойств правил резюмирующая концепция преобладала и была типичной для их способов обсуждения моральных правил. В качестве полной иллюстрации я привожу достаточно обширный набор цитат из Остина.

В «Лекциях о юриспруденции» Джон Остин отвечает на возражение о том, что принятие решения в соответствии с утилитарным принципом случай за случаем непрактично, доказывая, что это неправильное понимание утилитаризма. Согласно утилитарной точке зрения, «наше поведение соответствовало бы *правилам*, выводимым из тенденций действий, но не определялось бы прямым обращением к принципу общей полезности. Полезность была бы конечной, но не непосредственной мерой нашего поведения: непосредственной мерой правил, которым бы соответствовало наше поведение, но не непосредственной мерой специфических или индивидуальных действий. Наши правила формировались бы в соответствии с полезностью, а наше поведение — в соответствии с нашими правилами» (Austin, 1873, I: 116). По поводу того, как решить, какова тенденция действия, он говорит: «Чтобы выявить тенденцию специфического или индивидуального акта, нам не нужно было бы созерцать акт как нечто единичное и изолированное, но нужно было бы взглянуть на класс актов, которому он принадлежит. Мы должны были бы допустить, что акты данного класса обычно совершаются или избегаются, и рассмотреть вероятный их результат в отношении общего счастья или блага. Мы должны были бы предположить, каковы были бы последствия, если бы данный класс актов был всеобщим, а также каковы были бы последствия, если бы его обычно избегали. Затем мы должны сравнить последствия с позитивной и негативной стороны и определить, какая из двух сторон поддерживает баланс преимуществ... Если мы действительно выявляем тенденцию специфического или индивидуального акта, мы выявляем тенденцию класса, к которому этот акт принадлежит. *Частный* вывод, который мы делаем в отношении единичного акта, предполагает *общий* вывод, охватывающий все похожие акты... Если бы наше поведение было действительно устремлено к полезности, оно бы *немедленно* подчинилось так полученным и укоренившимся в памяти правилам» (Austin, 1873, I: 117). Может сложиться впечатление, что в ответ на возражение Остин утверждает практическую концепцию правил, и, возможно, он так и намеревался поступить. Но утверждал ли он эту концепцию, до конца не ясно. Говорит ли он

о статистическом обобщении? Понятие тенденции предполагает это. Или он отсылает к полезности учреждения практики? Я не знаю, но его последующие замечания поддерживают резюмирующую точку зрения. Он говорит: «Рассмотрение специфических последствий единичных или индивидуальных актов *редко* [курсив мой] основывается на этом конечном принципе» (Austin, 1873, I: 117). Но стал бы кто-нибудь когда-нибудь так делать? Он продолжает: «...если это признается, тогда необходимость останавливаться и проводить вычисления, которую предполагает рассматриваемое возражение, оказывается надуманной. Предпосылать каждому акту или воздержанию от акта предугадывание и сравнение последствий было бы явно *излишне* [курсив мой] и пагубно. Это было бы явно излишне, поскольку *результат этого процесса* [курсив мой] воплощался бы в известном *правиле*. Это было бы явно пагубно, поскольку *истинный* результат выражался бы этим правилом, в то время как процесс был бы, вероятно, ошибочным, если бы он осуществлялся случайно» (Austin, 1873, I: 117–188). Далее он пишет: «Если бы наши опыт и наблюдение отдельных частных случаев не были *обобщенными*, наши опыт и наблюдение отдельных частных случаев редко помогали бы нам в *практике*... Выводы, возникающие у нас в уме вследствие повторяющегося опыта и наблюдения, следовательно, превращаются в *принципы* или сжимаются в *максимы*, которые мы всегда готовы использовать и безотлагательно применять к индивидуальным случаям... не возвращаясь к процессу, посредством которого они были получены, и не вспоминая и не располагая перед своим мысленным взором многочисленные и запутанные соображения, *удобными сокращениями* [курсив мой] которых они являются... Подлинная теория есть *компендиум* частных истин... В таком случае, говоря в целом, человеческое поведение неизбежно *направляется* [курсив мой] *правилами*, или *принципами*, или *максимами*» (Austin, 1873, I: 117–118). Мне нет нужды доказывать, что все эти замечания склоняются к резюмирующей точке зрения. Кроме того, когда Остин рассматривает «сравнительно редкие» случаи, он утверждает, что специфические соображения могут перевешивать общие. «Учитывая резоны, из которых мы вывели правило, было бы абсурдным считать его непреклонным. Мы должны, следовательно, отвергнуть *правило*, обратиться прямо к *принципу*, на котором наши правила основываются, и вычислить *специфические* последствия исходя из всех имеющихся у нас познаний и способностей» (Austin, 1873, I: 120–121). Взгляд Остина интересен тем, что он показывает, каким образом можно близко подойти к практической концепции и пройти мимо нее.

В «Системе логики» (Mill, 1872, bk. VI, ch. xii, par. 2) Милль открыто различает позицию судьи и позицию законодателя, при этом предлагая различать две концепции правил. Однако он разделяет эти две позиции, для того чтобы проиллюстрировать разницу между случаями, когда необходимо применять уже утвержденное правило, и случаями, когда необходимо формулировать правило, которое будет впоследствии управлять поведением. Его интересует последний случай, и он принимает «политическую максиму» законодателя в качестве типичной для правил. В абз. 3 совершенно четко формулируется резюмирующая концепция. Например, он говорит о правилах поведения, что к ним следует относиться как к условности, поскольку они касаются наиболее многочисленных случаев. Он говорит, что они «указывают», какой способ действия наименее опасен; они «предупреждают» о том, что определенный способ поведения был признан подходящим для наиболее общих ситуаций. В «Утилитаризме» (Mills, 1864, ch. II, par. 24) резюмирующая концепция появляется в ответе Милля на те же возражения, которые рассматривал Остин. Здесь он говорит о правилах как «следствиях» из принципа полезности и сравнивает эти «вторичные» правила с «вехами» и «указателями направления». Они основываются на длительном опыте, и поэтому нет нужды применять утилитарный принцип к каждому случаю. В абз. 25 Милль указывает на то, что перед утилитарным принципом стоит задача разрешения спора между конкурирующими моральными правилами. Он говорит здесь так, как если бы утилитарный принцип применялся затем непосредственно к конкретному случаю. С практической точки зрения этот принцип применялся бы скорее для того, чтобы решить, какой из способов проведения практике связности наилучший. Следует отметить, что хотя в абз. 10 миллевское определение

1) Смысл существования правил выводится из того факта, что похожие случаи имеют тенденцию повторяться и что в конкретных случаях решение может приниматься быстрее, если прошлые решения фиксируются в форме правил. Если бы похожие случаи не повторялись, было бы необходимо применять утилитарный принцип напрямую случай за случаем, и правила, сообщающие о прошлых решениях, были бы бесполезны.

2) Принимаемые в конкретных случаях решения логически предшествуют правилам. Поскольку правила обретают смысл в силу необходимости применять утилитарный принцип ко многим похожим случаям, конкретный случай (или несколько похожих на него случаев) может иметь место, независимо от того, существует ли правило, охватывающее этот случай. Нас изображают в качестве людей, опознающих конкретные случаи до того, как появляется охватывающее их правило, поскольку мы формулируем правило, только столкнувшись с рядом определенного типа случаев. Таким образом, мы способны описать конкретный случай как конкретный случай требуемого типа, независимо от того, существует ли правило относительно такого типа случая. Иными словами, то, к чему отсылают А и Б в правилах вида «Всякий раз, когда А, делай Б», может быть описано как А и Б, независимо от того, существует ли правило «Всякий раз, когда А, делай Б» или какой-нибудь набор правил, образующих практику, частью которой является данное правило.

Для иллюстрации рассмотрим правило (или максимум), которое могло бы возникнуть следующим образом: предположим, что человек пытается решить, говорить ли

утилитаризма делает утилитарный принцип применимым к морали, т. е. к правилам и предначертаниям человеческого поведения, определение в абз. 2 содержит фразу «действия правильны в той мере, в какой они *содействуют* счастью» [курсив мой], которая склоняется к резюмирующей точке зрения. В последнем абзаце своей статьи «Об определении политической экономии» Милль говорит, что лишь в искусстве, в отличие от науки, можно действительно говорить об исключениях. В том, что касается практики, если что-то делается «в большинстве случаев», тогда это делается согласно правилу. «Таким образом, говоря об искусстве, мы можем, не вызывая возражений, говорить о *правиле* и об *исключениях*; понимая под правилом случаи, в которых существует, однако, лишь незначительное, преобладание побуждений действовать определенным образом; а под исключением — случаи, в которых преобладание находится на противоположной стороне» (Милль, 2007: 1023). Эти замечания тоже выражают резюмирующую точку зрения.

В «Принципах этики» Мура (Мур, 1984, гл. 5) содержится сложное и тяжелое обсуждение моральных правил. Я не буду разбирать его здесь, лишь выскажу свое подозрение, что там преобладает резюмирующая концепция. Разумеется, Мур часто говорит о полезности правил как о том, чему обычно следуют, и о действиях как о том, что обычно практикуют, но эти фрагменты, возможно, соответствуют статистическому представлению об обобщении, допускаемому резюмирующей концепцией. Эта концепция следует из высказываний Мура о прямой применимости утилитарного принципа к конкретным действиям (Мур, 1984: 232–233) и из его понятия правила как чего-то, что указывает, какая из нескольких альтернатив, которые могут случиться с любым, скорее всего приведет в целом к большему совокупному благу в ближайшем будущем (Мур, 1984: 241). Он говорит об «этическом законе» как предсказании и обобщении (Мур, 1984: 231, 241–242). Резюмирующая концепция также дает о себе знать в его обсуждении исключений (Мур, 1984: 250–251) и силы примеров нарушения правила (Мур, 1984: 251–253).

тому, кто смертельно болен, о его болезни, когда тот спросит. Предположим, человек размышляет и затем принимает решение — на утилитарных основаниях, — что он не должен говорить правду, и предположим, что на основании этого и других подобных случаев он формулирует правило следующего содержания: если смертельно больной спрашивает, чем он болен, ему не следует это говорить. Здесь необходимо обратить внимание на то, что чья-либо смертельная болезнь и вопрос о том, что это за болезнь, а также чей-либо ответ являются вещами, которые можно описать как таковые, независимо от того, существует ли такое правило. Осуществление действия, к которому отсылает правило, не требует выстраивания мизансцены практики, частью которой является это правило. Именно это имеется в виду, когда говорится, что согласно резюмирующей точке зрения конкретные случаи логически предшествуют правилам.

3) Каждый человек, в принципе, всегда правомочен оценивать корректность правила и задаваться вопросом, нужно или не нужно следовать ему в конкретном случае. Поскольку правила являются руководствами и инструментами, можно спрашивать, не могло ли случиться так, что в прошлые решения, связанные с применением утилитарного принципа для получения рассматриваемого правила, закралась ошибка, и является ли оно лучшим в данном случае. Причина существования правил заключается в том, что люди не способны применять утилитарный принцип легко и безукоризненно; необходимо экономить время и устанавливать ориентир. С этой точки зрения общество рациональных утилитаристов было бы обществом без правил, в котором каждый человек применял бы утилитарный принцип напрямую, беспрепятственно и безошибочно, случай за случаем. С другой стороны, в нашем обществе правила формулируются таким образом, чтобы служить инструментами принятия идеально рациональных решений в конкретных случаях — руководствами, которые были созданы и проверены многими поколениями. Применение этой точки зрения к правилам предполагает интерпретацию их в качестве максим, «правил большого пальца»²², и сомнительно, чтобы всё, к чему применялась бы резюмирующая концепция, называлось бы правилом. Рассуждения, основанные на таком отношении к правилам, представляют собой ошибку в процессе философствования.

4) Концепция общего правила принимает следующую форму. Считается, что человек оценивает, на каком проценте вероятных случаев может основываться данное правило, чтобы оно выражало правильное решение, т.е. решение, которое было бы принято, если бы утилитарный принцип корректно применялся случай за случаем. Если человек полагает, что в общем и целом данное правило позволит принять корректное решение, или если человек полагает, что вероятность совершения ошибки в результате прямого применения утилитарного принципа по своему усмотрению выше, чем вероятность совершения ошибки в результате следования правилу, и если эти соображения касаются людей в целом, тогда человек будет вправе требовать его принятия в качестве общего правила. Так резюмирующая точка зрения может объяснить общие правила. Однако все равно имело бы смысл говорить о применении

22. Правило большого пальца (англ. *rule of thumb*) — проверенный временем, хорошо зарекомендовавший себя метод. — Прим. перев.

утилитарного принципа случай за случаем, поскольку именно попытка предсказать результаты этого применения ведет к первоначальным оценкам, от которых зависит принятие правила. Понимание правила в соответствии с резюмирующей концепцией будет проявляться в естественности, с которой говорится о правиле как о руководстве, или максиме, или обобщении опыта и как о чем-то, что должно отбрасываться в экстраординарных случаях, где нет уверенности, что данное обобщение подойдет и поэтому случай должен рассматриваться исходя из его собственных преимуществ. Таким образом, эта концепция неотделима от идеи специфического исключения, которое в определенной ситуации делает правило подозрительным.

Другую концепцию правил я буду называть практической концепцией. Согласно данной точке зрения, правила определяют практику. Практики создаются для различных целей, но одна из них состоит в том, что во многих областях поведения решение каждого человека о том, что ему делать, принимаемое на утилитарных основаниях случай за случаем, ведет к путанице, и попытка скоординировать поведение путем предугадывания действий других людей обречена на провал. В качестве альтернативы видится необходимость учреждения практики, конкретизация новой формы активности, откуда становится понятно, что практика с необходимостью предполагает отказ от полной свободы действий на утилитарных и пруденциальных основаниях. Отличительной чертой практики является то, что обучение ее осуществлению предполагает обучение определяющим ее правилам, и апелляция к этим правилам используется для коррекции поведения тех, кто ее осуществляет. Осуществляющие практику признают эти правила в качестве определяющих практику. Правила нельзя считать простыми описаниями того, каким образом осуществляющие ее люди на самом деле себя ведут: они ведут себя не так, как если бы они просто подчинялись правилам. Поэтому для понятия практики принципиально важно, что правила публично известны и понимаются в качестве определяющих, а также что правилам практики можно научить и что исходя из них можно действовать, производя последовательную практику. В таком случае, согласно данной концепции, правила — это не обобщения решений индивидов, прямо и независимо применяющих утилитарный принцип к повторяющимся конкретным случаям. Напротив, правила определяют практику и сами подчиняются утилитарному принципу.

Чтобы показать важность расхождений между данным способом встраивания правил в утилитарную теорию и предыдущим, я рассмотрю различия между двумя концепциями в отношении обсужденных выше пунктов:

- 1) В противоположность резюмирующей точке зрения правила практики логически предшествуют конкретным случаям. Причина состоит в том, что не может быть конкретного случая действия, подпадающего под правило практики, пока нет практики. Это можно прояснить следующим образом: в практике существуют правила, которые устанавливают должности, конкретизируют определенные формы действия, подходящие для различных должностей, назначают наказания за нарушение правил и т. д. Мы можем рассматривать правила практики в качестве определяющих должности, ходы и проступки. В таком случае, когда говорится, что практика логически

предшествует конкретным случаям, имеется в виду следующее: какое бы правило ни специфицировало форму действия (ход), конкретное действие, которое считалось бы подпадающим под данное правило, при условии, что существует некоторая практика, не описывалось бы как такого рода действие до тех пор, пока не было бы практики. В случае действий, специфицируемых практиками, логически невозможно совершать их за пределами мизансцены, предоставленной этими практиками, поскольку до тех пор, пока нет практики, и до тех пор, пока не соблюдены подобающие приличия, какие бы поступки ни совершались, какие бы движения ни предпринимались, они не будут считаться формой действия, специфицируемой практикой. Сделанное будет описываться каким-то иным способом.

Данный тезис можно проиллюстрировать на примере игры в бейсбол. Многие действия, совершаемые при игре в бейсбол, могут осуществляться самостоятельно или вместе с другими людьми вне зависимости от того, происходит в этот момент игра или нет. Например, можно бросать мяч, бегать или махать куском дерева определенной формы. Но нельзя украсть базу, сделать страйк-аут, заработать уолк, допустить ошибку или бок, хотя можно делать определенные вещи, которые вроде бы напоминают эти действия, например, сделать подкат к «подушке», пропустить мяч и т. д. Страйк-аут, кража базы, получение бока и т.п. — все это действия, которые могут произойти только в игре. Что бы ни делал человек, его поступки не будут описываться как кража базы, страйк-аут или уолк до тех пор, пока его нельзя так же описать, как игрока в бейсбол, и для него совершение этих действий предполагает правилосообразную практику, которая конституирует игру. Практика логически предшествует конкретным случаям: пока нет практики, термины, обозначающие специфицируемые ею действия, лишены смысла²³.

2) Практическая точка зрения ведет к совершенно иной концепции, доступной каждому человеку власти решать, уместно ли следовать правилу в конкретных случаях. Осуществлять практику, предпринимать действия, специфицируемые практикой, значит следовать подходящим правилам. Если кто-то хочет совершить действие, специфицируемое определенной практикой, он может сделать это, только подчиняясь определяющим ее правилам. Следовательно, человеку нет смысла поднимать вопрос о том, корректно ли применять правило практики к его случаю, поскольку обдумываемое им действие есть форма действия, определяемая практикой. Если бы кто-то поднял такой вопрос, он лишь показал бы, что не понимает ситуацию, в которой действует. Для желающего осуществить действие, специфицируемое практикой,

23. Может сложиться впечатление, что было бы ошибкой говорить о том, что практика логически предшествует специфицируемым ею формам действия, поскольку, если бы никогда не было примеров действий, подпадающих под практику, тогда мы были бы склонны говорить, что нет и самой практики. Чертежи практики не составляют практику. Существование практики предполагает, что имеются примеры людей, осуществлявших ее раньше и осуществляющих ее теперь (с подходящими квалификациями). Это так, однако это не ставит под вопрос утверждение о том, что любой конкретный пример формы действия, специфицируемой практикой, предполагает практику. Это не соответствует резюмирующей картине мира, поскольку каждый пример должен быть «там», так сказать, до правил, как нечто, откуда извлекается правило путем прямого применения к нему утилитарного принципа.

единственный легитимный вопрос связан с сущностью самой практики («Как мне составить завещание?»).

Иллюстрацией этого тезиса является поведение, ожидаемое от игрока. Если кто-то хочет принять участие в игре, он не рассматривает правила игры в качестве руководства относительно того, что является наилучшим в конкретных случаях. В бейсболе, если бы бэттер спросил: «Могу ли я получить четыре страйка?», это означало бы, что он спрашивает о том, каково правило, и если бы после того, как ему рассказали правило, он сказал, что имел в виду, что в данной ситуации ему подумалось, что для него было бы в целом лучше, если бы было четыре страйка, а не три, это в самом благоприятном случае было бы воспринято как шутка. Можно было бы возразить, что игра в бейсбол стала бы лучше, если бы разрешили четыре страйка вместо трех, но нельзя использовать правила в качестве руководств, говорящих, что лучше всего в целом в конкретных случаях, и ставить под вопрос их применимость к конкретным случаям как конкретным случаям.

3 и 4) В завершение сравнения с резюмирующей концепцией по четырем пунктам необходимо отметить, что из сказанного выше ясно, что правила практики не являются руководствами, помогающими принимать в конкретных случаях корректные решения исходя из некоего высшего этического принципа. И ни квазистатистическое понятие обобщения, ни понятие специфического исключения не могут применяться к правилам практик. Более-менее общее правило практики должно быть правилом, которое, в соответствии со структурой практики, применяется к более-менее схожим случаям, или оно должно быть правилом, которое является более-менее базовым для понимания практики. Опять же конкретный случай не может быть исключением из правила практики. Исключение — это, скорее, квалификация или дальнейшая спецификация правила.

Из сказанного нами по поводу практической концепции правил следует, что если человек осуществляет практику и если его спрашивают, почему он делает то, что он делает, или если его просят оправдать то, что он делает, тогда его объяснение или оправдание, заключается в отсылке спрашивающего к практике. Он не может говорить о своем действии (если это действие, специфицируемое практикой), что он осуществляет его, а не какое-то другое, потому что думает, что это в целом лучше всего²⁴. Когда человека, осуществляющего практику, спрашивают о его действии, он должен предположить, что спрашивающий не знает, что он осуществляет практику («Почему ты торопишься заплатить ему?» — «Я обещал ему заплатить сегодня»), или в чем эта практика состоит. При этом не столько обосновывается конкретное действие, сколько объясняется или показывается, что оно соответствует практике. Причина этого в том, что конкретное действие описывается как таковое лишь на фоне мизансцены практики. Только отсылка к практике позволяет сказать, что кто-то делает. Чтобы объяснить или оправдать свое действие как конкретное действие, человек соотносит его с практикой, которая его определяет. Непризнание этого свидетельствует о том,

24. Философская шутка (в устах Иеремии Бентама): «Когда я бегу к другой калитке после того, как мой партнер забил хороший мяч, я делаю это потому, что в целом это лучше всего».

что задается иной вопрос: обосновано ли признание или одобрение практики? Когда под вопрос ставится сама практика, цитировать правила (говорить о том, в чем заключается практика) бесполезно. Но когда под вопрос ставится конкретное действие, остается только ссылаться на правила. Вопрос, касающийся конкретных действий, является вопросом лишь для того, кому не ясно, в чем заключается практика, или кто не знает, что она осуществляется. Этому следует противопоставить случай максимы, которую можно считать указывающей на правильное решение в данном случае как решение, принятое на иных основаниях, и тем самым придающей смысл сомнению относительно данного случая за счет того, что спрашивается, действительно ли эти иные основания поддерживают решение в данном случае.

Если сравнить две концепции правил, которые я обсудил выше, то можно увидеть, что резюмирующая концепция упускает значимость различия между обоснованием практики и обоснованием подпадающих под нее действий. В рамках данного подхода правила рассматриваются как руководства, цель которых — указать на идеально рациональное решение для данного конкретного случая, к которому привело бы безукоризненное применение утилитарного принципа. В принципе, каждый имеет полное право использовать эти руководства или отвергать их в зависимости от требований ситуации без какого-либо изменения своего морального долга: отвергаются правила или нет, на любого человека всегда возлагается обязанность быть рациональным, пытаясь случай за случаем поступать в целом наилучшим образом. Но согласно практической концепции, если долг каждого человека определяется практикой, тогда вопросы, касающиеся его действий, разрешаются путем отсылки к правилам, определяющим практику. Если кто-то пытается поставить эти правила под вопрос, его долг претерпевает фундаментальное изменение: этот человек оказывается в должности того, кто уполномочен менять и критиковать правила, в должности реформатора и т. д. Резюмирующая концепция снимает разделение между должностями и различными формами аргументации, подходящими для них. Согласно этой концепции, есть только одна должность, а это значит — ни одной. Следовательно, эта концепция затушевывает тот факт, что в случае действий и определяемых практикой должностей утилитарный принцип должен применяться к практике, так что общеутилитарные аргументы недоступны для тех, кто действует в рамках так определенных должностей²⁵.

25. Применимы ли эти замечания к случаю обещания, известного только отцу и сыну? На первый взгляд сын определенно исполняет обязанности обещающего, и поэтому практика не позволяет ему оценивать конкретный случай на общеутилитарных основаниях. Предположим, однако, что он считает себя исполняющим обязанности того, кому позволено критиковать и менять практику (при этом мы оставляем в стороне вопрос, вправе ли он отказываться от ранее принятых обязательств и принимать другие). В таком случае он может считать утилитарные аргументы применимыми к данной практике, но как только он это сделает, он увидит, что такого рода аргументы существуют потому, что они не допускают общеутилитарное оправдание практики в такого рода случаях, поскольку это сделало бы невозможным просить и давать обещания, которые так часто хочется иметь возможность просить и давать. Следовательно, он не будет испытывать желание менять практику, и потому как обещающий не сможет не держать обещание.

Сказанное мной нуждается в нескольких уточнениях. Во-первых, я, возможно, говорил о резюмирующей и практической концепциях правил так, будто только одна из них может быть права относительно правил, и если она права относительно каких-либо правил, то она с необходимостью права относительно всех правил. Разумеется, я не имею это в виду. (Эту ошибку делают критики утилитаризма, поскольку их аргументы против утилитаризма предполагают резюмирующую концепцию правил практик.) Некоторые правила соответствуют одной концепции, другие — другой, и поэтому существуют правила практик (правила в узком смысле), максимы и «правила большого пальца».

Во-вторых, есть дальнейшие различия, которые можно сделать в рамках классификации правил, различия, которые следует сделать, чтобы рассматривать другие вопросы. Проведенные мной различия наиболее релевантны для довольно специфической проблемы, которую я обсуждал выше, и не являются исчерпывающими.

Наконец, есть много пограничных случаев, относительно которых сложно, если вообще возможно, решить, какая концепция к ним применима. Пограничные случаи предусматриваются любой концепцией, и они особенно вероятны при использовании таких понятий, как «практика», «институт», «игра», «правило» и т. д. Витгенштейн показал, насколько текучи эти понятия²⁶. Я же выделил и заострил две концепции лишь для ограниченных целей данной статьи.

IV

Различив две концепции правил, я попытался показать, что существует способ рассмотрения правил, который позволяет оценивать конкретные случаи на общеутилитарных основаниях, и в то же время существует другая концепция, которая не признает такое право, за исключением случаев, когда практика сама его санкционирует. Я полагаю, что существующая в философии тенденция изображать правила в соответствии с резюмирующей концепцией сделали многих моральных философов слепыми в отношении значимости различия между обоснованием практики и обоснованием подпадающего под нее конкретного действия. Причина этого состоит в том, что она неправильно представляет логическую силу отсылки к правилам в случае сомнения в конкретном действии, подпадающем под практику, и затушевывает тот факт, что там, где существует практика, именно сама эта практика должна быть объектом применения утилитарного принципа.

Разумеется, то, что два традиционных проверочных случая утилитаризма — наказание и обещание — являются случаями практик, не случайно. Исходя из резюмирующей концепции было бы естественным предположить, что чиновники пенитенциарной системы и тот, кто дал обещание, могут решать, как поступать в конкретных случаях, на утилитарных основаниях. При этом не замечается, что общее право принимать решение в конкретных случаях на утилитарных основаниях несовместимо с понятием практики и что право, которым обладает человек, само

26. Например: Витгенштейн, 1994, §§ 65–71.

определяется практикой (например, судья может иметь право определять наказание в заданных границах). Традиционные возражения против утилитаризма, которые я обсудил выше, предполагают наделение судей и тех, кто дал обещание, полнотой моральной власти принимать решения в конкретных случаях на утилитарных основаниях. Но когда утилитаризм совмещается с понятием практики и отмечается, что наказание и обещание — это практики, тогда становится понятно, что такое наделение логически невозможно.

То, что наказание и обещание являются практиками, не подлежит сомнению. В случае обещания об этом свидетельствует тот факт, что по своей форме слова «Я обещаю» являются перформативным высказыванием, которое предполагает мизансцену практики и определяемые ею приличия. Произнесение слов «Я обещаю» будет обещанием только при условии существования практики. Было бы абсурдно интерпретировать правила, касающиеся обещания, в соответствии с резюмирующей концепцией. Например, было бы абсурдно утверждать, что правило, гласящее, что обещание должно выполняться, могло бы возникнуть в результате обнаружения в прошлых случаях того, что выполнять свое обещание в целом лучше всего, поскольку до тех пор, пока нет уже готового понимания того, что обещание выполняется как часть практики, не может быть никаких случаев обещания.

Конечно же, следует признать, что правила, определяющие обещание, не кодифицированы и что концепция того, что они собой представляют, неизбежно зависит от моральной подготовки. Следовательно, должна существовать значительная вариация в том, каким образом люди понимают практику, а также возможность спора о том, каким образом ее лучше всего осуществлять. Например, среди людей разного происхождения скорее всего будут возникать разногласия относительно того, насколько строго следует оценивать различные оправдания или какие оправдания доступны. Но вне зависимости этих вариаций концепция практики обещания предполагает, что обещающий не может предлагать общеутилитарное оправдание. Это объясняет силу традиционного возражения, которое я обсудил выше. И я хочу подчеркнуть, что когда утилитарная точка зрения совмещается с практической концепцией правил, как должно быть в подходящих случаях, тогда в этой точке зрения нет ничего, что предполагает существование такого оправдания, как в практике обещания, так и в любой другой.

Наказание — тоже достаточно ясный случай. Есть множество действий в последовательности событий, которые конституируют наказание для человека и предполагают практику. Это можно понять, рассмотрев определение наказания, которое я дал, обсуждая критику утилитаризма Карритом. Предложенное там определение отсылает к таким вещам, как нормальные права граждан, правовые нормы, справедливое правосудие, разбирательства и суды, законодательные акты и т. д., ни одна из которых не может существовать вне развитой мизансцены юридической системы. Кроме того, многие действия, за которые люди несут наказание, предполагают практики. Например, наказывают за кражу, за взлом и т. п., что предполагает институт собственности. Нельзя сказать, что такое наказание, или описать его конкретный пример, не

ссылаясь на обязанности, действия и проступки, специфицируемые практиками. Наказание — это ход в развитой юридической игре, которая предполагает комплекс практик, поддерживающих правовой порядок. То же самое верно для менее формальных видов наказания: родитель, опекун или кто-то еще, обладающий достаточными полномочиями, может наказать ребенка, но только он и никто другой.

Следует предупредить против одной ошибочной интерпретации того, что я сказал. Можно подумать, что мой способ использования проводимого мной различения между обоснованием практики и обоснованием подпадающего под нее конкретного действия требует занятия определенной общественно-политической позиции, представляющей собой разновидность консерватизма. Можно было бы решить, что я утверждаю, будто социальные практики того общества, к которому принадлежит любой человек, обеспечивают его стандартами обоснования своих действий, и что, следовательно, пусть каждый человек придерживается их и тогда его поведение будет обоснованным.

Эта интерпретация целиком ошибочна. Тезис, который я развивал, носит скорее логический характер. Безусловно, он имеет последствия для этической теории, но сам по себе он не толкает ни к какой конкретной общественной или политической позиции. Все дело в том, что там, где форма действия специфицируется практикой, невозможно никакое иное обоснование конкретного действия конкретного человека, кроме как через отсылку к практике. В таких случаях действие таково, каково оно есть, в силу практики, и объяснять его — значит отсылать к практике. Отсюда не следует никакого вывода относительно того, следует или нет принимать практики своего общества. Можно быть настолько радикальным, насколько хочется, но в случае действий, специфицируемых практиками, объектами радикализма должны быть социальные практики и их принятие людьми.

Я попытался показать, что когда мы совмещаем утилитарную точку зрения с практической концепцией правил, там, где эта концепция уместна²⁷, мы можем сформулировать ее таким образом, который защищает ее от ряда традиционных возражений. Я попытался далее показать, что логическая сила различения между обоснованием практики и обоснованием подпадающего под нее действия связана с практической концепцией правил и будет оставаться непонятой до тех пор, пока правила практик рассматриваются в соответствии с резюмирующей точкой зрения. Почему занимающийся философией может испытывать желание рассматривать их подобным образом, я не обсуждал. Причины этого, очевидно, очень глубоки и потребовали бы другой статьи.

27. Как я уже говорил, не всегда легко сказать, где данная концепция уместна. Я не хочу обсуждать здесь общие случаи, к которым она применима. Я лишь отмечу, что не следует считать само собой разумеющимся, что она применима ко многим так называемым «моральным правилам». Мне кажется, что относительно немногие действия в моральной жизни определяются практиками и что практическая концепция более релевантна для понимания юридических и схожих с ними аргументов, нежели более сложных видов моральных аргументов. Утилитаризм должен подходить для различных концепций правил в зависимости от случая, и неспособность добиться этого была, несомненно, одной из причин сложностей с его правильной интерпретацией.

Литература

- Витгенштейн Л.* (1994). *Философские исследования* / Пер. с нем. М. С. Козловой // *Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1.* М.: Гнозис. С. 75–319.
- Милль Дж. С.* (2007). Об определении предмета политической экономии; и о методе исследования, свойственном ей / Пер. с англ. П. Н. Ключкина // *Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии.* М.: Эксмо. С. 987–1023.
- Мур Дж.* (1984). *Принципы этики* / Пер. с англ. Л. В. Коноваловой под ред. И. С. Нарского. М.: Прогресс.
- Юм Д.* (1996). *Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам* / Пер. с англ. С. И. Церетели // *Юм Д. Сочинения: в 2-х т. Т. 1.* М.: Мысль. С. 53–655.
- Aiken H. D.* (1952). The levels of moral discourse // *Ethics.* Vol. 62. № 4. P. 235–248.
- Austin J.* (1873 [1832]). *Lectures on jurisprudence.* L.: John Murray.
- Bentham J.* (1830). *The rationale of punishment.* L.: Heward.
- Bentham J.* (1945). *The limits of jurisprudence defined* / Ed. C. W. Everett. N. Y.: Columbia University Press.
- Carritt E. F.* (1947). *Ethical and political thinking.* Oxford: Clarendon Press.
- Mabbott J. D.* (1939). Punishment // *Mind (New Series).* Vol. 48. № 190. P. 152–167.
- Melden A. I.* (1951). Two comments on utilitarianism // *Philosophical Review.* Vol. 60. № 4. P. 508–524.
- Mill J. S.* (1864). *Utilitarianism.* L.: Longman.
- Mill J. S.* (1872). *A system of logic.* L.: Longmans, Green, Reader, and Dyer.
- Nowell-Smith P. H.* (1954). *Ethics.* L.: Penguin.
- Pickard-Cambridge W. A.* (1932). Two problems about duty (II) // *Mind (New Series).* Vol. 41. № 162. P. 145–172.
- Quinton A. M.* (1954). On punishment // *Analysis.* Vol. 14. № 6. P. 133–142.
- Radzinowicz L.* (1948). *A history of English criminal law and its administration from 1750: the movement for reform, 1750–1833.* L.: Macmillan.
- Rawls J.* (1951a). Outline of a decision procedure for ethics // *Philosophical Review.* Vol. 60. № 2. P. 177–197.
- Rawls J.* (1951b). «An examination of the place of reason in ethics» by Stephen Edelston Toulmin // *Philosophical Review.* Vol. 60. № 4. P. 572–580.
- Robbins L.* (1952). *The theory of economic policy in English classical political economy.* L.: Macmillan.
- Ross D.* (1930). *The right and the good.* Oxford: Clarendon Press.
- Ross D.* (1939). *Foundations of ethics.* Oxford: Clarendon Press.
- Sidgwick H.* (1901). *The methods of ethics.* L.: Macmillan.
- Toulmin S. E.* (1950). *An examination of the place of reason in ethics.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Urmson J. O.* (1953). The interpretation of the moral philosophy of J. S. Mill // *Philosophical Quarterly.* Vol. 3. № 10. P. 33–39.